

A watercolor illustration of a city street scene. In the foreground, a cobblestone path leads towards the viewer, flanked by a dark metal railing. Two people are walking away from the viewer in the middle ground, their shadows cast long and dark on the pavement. The background shows classical-style buildings with windows and balconies, and several street lamps. The overall style is soft and painterly, with a warm, slightly hazy atmosphere.

Валентина Рыжкова
Любишь ли ты меня?

12+

Валентина Ивановна Рыжкова

Любишь ли ты меня?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35917387

SelfPub; 2018

Аннотация

Марина старается быть такой, как все, ничем не выделяться среди одноклассников. Она ходит на вечеринки, обсуждает сплетни, слушает популярную музыку. Но глубоко внутри она не такая, как все, у нее есть свои мысли, свои интересы, настоящие чувства, сомнения, мечты, страхи. Она боится оказаться среди аутсайдеров. Но внезапно вся ее тщательно спланированная и замаскированная жизнь рушится, когда в нее вмешивается один из таких аутсайдеров – Севка. Над ним в школе смеются и считают странным. Потому что он не боится быть собой и говорить то, что думает, чувствовать, дружить, любить, жить по-настоящему.

В оформлении обложки использована фотография автора Igor Sava «sunlight from the left. shaded alley. splash of yellow. Firenze – Scorcio» с <http://www.igorsavaart.com>

Любишь ли ты меня?

рассказ

"Глава 8. Любит ли Онегин Татьяну? Изменилась ли Татьяна?"

Нет, не любит. Вернее, сначала не любил, а потом вдруг влюбился. Везде одно и то же. Любил ли Чацкий Софью? Любил ли Печорин Бэлу? То любит – то не любит...

Как же я устала. А за окном идет снег. Кажется, что весна никогда не наступит. До чего же тоскливо и скучно. Хочу в кино. "Возвращение короля" в "Салюте" еще идет. Только пойти не с кем. Так надоело всех уговаривать, чуть ли не на коленях умолять: "Сходим в кино да сходим в кино! Такой потрясающий фильм!" и т. д. и т. п...

Сегодня пятница, выходные, сейчас бы прийти домой – там никого, тишина – включить Битлз, завалиться спать и, самое главное, ни о чем не думать. А еще лучше посмотреть какой-нибудь хороший фильм по видеку. Иногда мне хочется целый день лежать, смотреть кино, есть конфеты и ничего не делать.

Историк мог задать этот дурацкий доклад про земскую ре-

форму кому угодно! В чем я опять провинилась?! Оля обо-
жает историю, она бы только рада была. А Неля вообще у исто-
рика любимица. Аню на медаль тянут, пусть бы потруди-
лась хоть раз в жизни по-настоящему. Еще в юракадемию со-
бралась поступать. Только наш древний историк почему-то
вечно ко мне прикапывается. Достал уже.

У Верки сплошные двойки, а она сегодня вечеринку
устраивает. Меня звала, да я бы и так не пошла, надоело.
Трястись там всю ночь под какую-нибудь дрянь, смесь рэпа
и попсы. Под конец все напьются, накурятся, будут блевать,
устроят стриптиз, поругаются десять раз... MTV с голыми
задницами размалеванных девиц и тошнотворных мужиков,
обсуждение "Фабрики звезд" и обязательно тупой фильм
"Сердцеедки" или "Американский пирог".

Каждый раз одно и то же. Только зря косметику изводить
и выпивку тащить надо. Вот и выбирай, что лучше: очеред-
ная пьяная вечеринка одноклассников, которых так и распи-
рает от гормонов, или же провести вечер за докладом по исто-
рии в компании с неким странным парнем по имени Севка
Пряников, хотя все зовут его просто Пряником для кратко-
сти. Может, он обижается, только им плевать.

Я незаметно обернулась, вот он сидит, и тоже смотрит в
окно. Странно, ведь я почти ничего о нем не знаю, да и кто
вообще знает. Когда он перешел в нашу школу? И в каком
классе он учился в прошлом году до распределения по про-
фильным? Спрашивают его редко, к доске почти не вызыва-

ют. Как он учится – непонятно, средне, должно быть. Я даже не припомню, чтобы Пряников стихи на литературе отвечал. А классная стихи строго по списку спрашивает, будто прививки ставит.

– Всеволод, будь добр, повернись к классу и скажи, что такого интересного ты увидел на улице, – сказала классная.

Все дружно ржут. Это она нарочно издевается.

Севка сразу уставился в мою сторону, он на таком месте сидит, что ему оттуда только на меня и смотреть. Я быстро уткнулась в тетрадь, ненавижу встречаться с кем-то глазами. Взгляд у него какой-то отсутствующий, как будто он, что называется, не от мира сего, со странностями. Неохота с ним связываться.

Сегодня утром, когда я раздевалась в холле, ко мне, как обычно, подскочила Крестинова. Каждое утро я на нее натываюсь в первую очередь, хотя вот уж кого-кого, а Крестинову мне меньше всего хочется видеть.

– Приве-е-ет! – она расплылась в своей приторно-сладкой улыбочке. – Ты знаешь, что Пряник... ну, то есть Пряников Севка в тебя влюбился! Хи-хи-хи...

С трудом подавив огромное желание запустить чем-нибудь в ее ухмыляющуюся физиономию, иду к зеркалу причесываться. Останавливает меня только то, что Крестинова тупая, как пробка, и сама не понимает, что за бред она несет.

– Да-а-а, в тебя влюбился... хи-хи-хи...

Вот пристала, вечно бегает за всеми по пятам, будто домашняя собачонка.

– С чего ты это взяла? – буркнула я в ответ, стараясь не обращать внимания на Катькин глупый смех.

– Ты рада, да? Вот ведь как тебе повезло! Он на тебя все время смотрит...

– Вот еще, очень надо.

– Да ты что, Мари-и-ина! Ты ему так нравишься, Севе... Да-а-а! Он наверно страдает. Это настоящая любовь... Хихи-хи...

Как же она меня раздражает, особенно это ее противное хихиканье. Двух слов толком связать не может. И когда говорит, то обязательно встанет нос к носу и чуть ли не в рот тебе заглядывает.

– Ах, Нату-у-усик! Приве-е-ет! Что я тебе расскажу!..

А вот еще одна явилась. Расцеловались, будто тыщу лет не виделись, кудахчут, как две курицы. Теперь такие слухи расползутся по всей школе... Класс гуманитарный, почти одни девчонки, жуткие сплетницы, а Катя с Наташей среди них первые.

За обедом все дружно тарасились на меня и Пряникова, шептались и хихикали. Крестинова серьезно спросила, буду ли я встречаться с Пряником или пошлю его куда подальше. Верка отпустила пару непристойных шуточек в мой адрес. Девчонки громко ржали. Я тоже посмеялась для виду и сразу заявила им, что мне плевать на Пряникова. Севка сидел

за соседним столом, может, он слышал, хотя в столовой, как и везде в этой школе, дикий ор стоит, собственного голоса не слышно. На той перемене я не стала к нему подходить насчет истории, он тоже не подошел. Останемся после уроков и обсудим эту дурацкую реформу.

А может, вообще не подходить к нему? На кой он мне сдался, этот Пряников? Без него обойдусь. Почему обязательно нужно делать в паре? Это же не псих-тренинг какой-нибудь. И до понедельника еще два дня выходных.

Прозвенел звонок. Классная задала выучить письмо Татьяны, парням – письмо Онегина. Я быстро побросала вещи в сумку, подняла глаза и даже подскочила от неожиданности. Он стоит прямо передо мной, так спокойно, как будто весь урок тут простоял. И смотрит, словно чего-то ждет. Мне вдруг пришло в голову, что я ни разу с ним не разговаривала. И судя по всему, придется начинать первой.

– Чего тебе?.. А, да, доклад по истории, совсем забыла...

Классная не разрешила нам остаться, сказала, у нее какое-то совещание. Сегодня она опять злая, девчонки ее довели. В библиотеке толпилась малышня, вечно они тут торчат, достают библиотекаршу, которая от всех детей готова уже на стенку лезть.

Заглянула в учебник и три раза прочитала заголовок: *"Россия в 60-80 годы XIX века. Эпоха великих реформ. Правление Александра II"*. Ничего не соображаю от шума. Тогда

я повернулась к Пряникову и неожиданно для себя сказала:

– Слушай, в четыре часа библиотеку все равно закроют.

У тебя дома кто-нибудь есть?

– Не знаю, – он пожал плечами.

– Ладно, пойдем ко мне.

На самом деле я и не собиралась тащиться к нему домой. Терпеть не могу чужие квартиры, чувствуешь там себя неловко и неудобно, никогда не знаешь, где там у них ванная комната и туалет. Вечно тебе тапочки ищут. Еще кормить начнут, расспрашивать... не выношу этой канители. Уж лучше идти ко мне, все равно дома ни души.

Пряников не возражал, и мы пошли. Робко предложил понести сумку, я сказала, что сама справлюсь, больше не приставал.

Севка шел рядом, чуть поотстав. Я упорно молчала, он тоже. Было ужасно холодно. До моего дома идти напрямик через дворы, а там повсюду сплошные горки да еще стройка эта, все перекопано, ни пройти, ни проехать. И я как всегда умудрилась поскользнуться, только подумала, что опять грохнусь где-нибудь, Севка схватил меня за руку, хотя, может быть, я просто чуть на него не упала. Сам виноват, не мог отойти куда-нибудь подальше, а то плетется сзади, на пятки наступает.

В лифте ехали, казалось, целую вечность. Молчать дальше было бессмысленно. Открыв дверь, я сразу почувствовала себя главной, хозяйкой положения. Севка наоборот скромно

замер на коврике в прихожей, ожидая приглашения.

– Раздевайся, чего стоишь? И посиди пока в гостиной, я сейчас.

Специально сделала вид, будто мне не до него, засуетилась, изображая занятость, будто у меня куча дел, и быстро юркнула в свою комнату, прикрыв дверь. Переодеваться после школы я нарочно не спешила, возилась, наверно, полчаса. Почему-то долго стояла у шкафа и думала, что лучше надеть. Ненормальная.

Мама всегда ругается, когда я прячусь от гостей в своей комнате, говорит, это невежливо, и я никого не уважаю. Не хочу я уважать Пряникова. Кто знает, что у него на уме. Станный он какой-то.

Я осторожно заглянула в гостиную. Севка сидел на полу перед телевизором и рассматривал видеокассеты, так внимательно, неторопливо, даже с интересом, как будто выбирал, какой фильм лучше посмотреть. Мне вдруг пришло в голову, за это время он мог изучить нашу гостиную вдоль и поперек. Казалось, Севка напрочь забыл обо всем на свете, в том числе о моем существовании. Я стояла тихо наверно минут пять, не знаю почему. А потом сделала вид, будто только что вошла, нарочно хлопнув дверью. Севка резко вскочил и уставился на меня не то испуганно, не то удивленно, а может, радостно, не поймешь.

Я села в кресло, достала учебник, тетрадь, ручку. Севка примостился на краешке дивана с портфелем.

– Давай сначала прочитаем все про эту земскую реформу, составим план и распределим, кто что будет рассказывать, – предложила я, ища нужный параграф в учебнике.

Опустилась напряженная тишина. С улицы доносился шум машин, где-то далеко лаяла собака, на кухне монотонно гудел холодильник, у соседей играли на пианино, и все равно было так тихо, что эта тишина звенела в ушах.

Не могу сосредоточиться, буквы плывут перед глазами, в голову лезут бессвязные мысли, всякая дребедень...

Вся комната залита теплыми солнечными лучами. Стены стали оранжевыми от заката. Солнце слепит глаза. По моей руке скачет солнечный зайчик. Я откинула волосы со лба и заметила Севкин пристальный взгляд. Он тут же снова уткнулся в учебник. Я встала и ушла на кухню. Решила поставить чайник. Пока он закипал, долго смотрела в окно.

Почему девчонки решили, что он в меня влюблен? Ведь неспроста же. На пустом месте слухи не рождаются. При чем именно сегодня, когда этот доклад... Такое впечатление, словно все это какая-нибудь дурацкая шутка. Ну конечно, они специально подговорили историка задать доклад мне и Пряникову. Кажется, у меня начинается паранойя. И все-таки, почему он? Могли ведь приплести сюда кого угодно, но в результате оказался Пряников, которого, что называется, впритык не видят. Он для них пустое место. И вдруг... Похоже на полный бред.

Кошмарный день. Идиотские сплетни, хихиканье за спи-

ной, тарашатся все на тебя, как на чудо, и этот Пряников откуда-то взялся, и доклад по истории. *"Любит ли Онегин Татьяну?.."* Зачем я достала тетрадь по литературе, когда мне нужна земская реформа? И опять этот дурацкий вопрос. Уверена, на следующем уроке лит-ры классная спросит именно меня.

Чайник давно вскипел, а я все стояла, уставясь в окно, и думала, что вообще за человек этот Пряников и зачем он свалился на мою голову. А ведь он меня ждет, наверно, всю земскую реформу наизусть вызубрил.

– Ну, ладно, давай, я начну, а ты продолжишь и что-нибудь еще добавишь, – сказала я, входя в гостиную, – главное, выучи...

Севка спал, уткнувшись носом в подушку, одну руку положив под щеку, а другой обняв раскрытый учебник по истории, который постепенно сползал на край дивана, собираясь упасть на пол.

Не возникало никаких сомнений, Севка крепко и безмятежно спит, как сурок, будто он ужасно устал и не спал целую вечность. Сперва я так удивилась и просто стояла посреди комнаты, не зная, что дальше делать. Учебник упал на ковер с глухим стуком. Севка что-то пробормотал во сне, перевернулся на спину, сунув одну руку под подушку и откинув голову на бок. Растрепанные волосы топорщились хохолком на лбу, в них запутались солнечные лучи, отчего они казались золотистыми, хотя на самом деле светло-русые.

Я подняла учебник и осторожно положила его на стол, а потом присела на краешек кресла рядом с диваном. Меня тоже всегда клонит в сон от истории, и от большинства остальных школьных предметов. Терпеть не могу будить спящих людей, не понимаю, как некоторые делают это прямо-таки с каким-то невероятным наслаждением, мои родители, например. Мне наоборот всегда хочется укрыть его одеялом, чтобы он спокойно спал, пока сам не проснется. Иногда мне нравится смотреть на кого-нибудь спящего. Люди кажутся совсем другими, когда спят, они спокойны и более открыты, можно заглянуть к ним в душу, заметить в них что-то такое, чего не замечал раньше. Должно быть, я единственная разглядела внимательно Севкино лицо, после его матери. Он даже показался мне симпатичным. Почему его не замечают? Мне вдруг захотелось пригладить растрепанные волосы и этот хохолок на лбу.

Где-то у соседей забренчало пианино.

Однажды Севка заснул на уроке, теперь я вспомнила, была физика, мы с Нелей тогда сидели на последней парте, а он у окна. Физичка как раз объясняла новую тему, Неля толкает меня и тихонько указывает на Пряникова. А он спит, опустив голову на руки. Физичка долго косила в его сторону, наконец, не выдержала и как хлопнет линейкой по столу. От неожиданности Севка подскочил и чуть со стула не свалился.

Я достала альбом со школьными фотографиями. Мама хранит его в гостиной специально, чтобы показывать гостям

и хвастаться, в какой жутко престижной гимназии я учусь. Терпеть не могу все эти фотографии, но сейчас мне вдруг захотелось на них взглянуть.

Начальная школа. Где только мама умудрилась раскопать такие старые?.. Я никого не узнавала, здесь все какие-то чужие, незнакомые. С тех пор наш класс много раз менялся, кто-то уходил, появлялись новенькие. От первого состава осталось всего несколько человек.

Пятый класс. Я нашла себя. Меня посадили в первом ряду с учительницей, как какую-нибудь отличницу. Завитые локоны, белая блузка, белые гольфы, вся такая сияющая, похожа на куклу в витрине магазина. Мама всегда пыталась вырядить меня лучше других девочек в классе, чтобы мной восхищались и завидовали. Я до сих пор помню, как ночами не спала из-за бигуди, на которые мама с упорством накручивала мои волосы, хотя они от природы кудрявые.

Севку я не узнала сразу, но была твердо уверена, словно почувствовала, что этот маленький худой мальчишка с растрепанными волосами, который стоит прямо за мной, именно он. Я даже знаю, почему его поставили за моей спиной, потому что я была без этих огромных бантов, как другие девочки, а Севка самый маленький в классе, иначе его просто было бы не видно. К тому же он единственный из мальчишек оказался без форменного пиджака ядовитого ярко-голубого цвета. На нем была рубашка с короткими рукавами. И я сразу заметила, что руки он положил на спинку моего стула. Но

самое странное, почему Севку невозможно было узнать, он весело улыбался. Все выглядели такими серьезными, скучными и хмурыми, а Севка, казалось, бесконечно счастлив со своей сияющей улыбкой. Я ни разу не видела, чтобы он хоть когда-нибудь улыбался.

На фотографии за следующий год нет половины класса и Севки тоже. Мы фотографировались поздно, в самый последний день учебного года на школьном крыльце. Большинство девчонок умотало готовиться к дискотеке. Я нашла себя в первом ряду. Кошмар, выгляжу, как кукла Барби, с голыми ногами из шеи, на каблуках (которые я ненавижу!).

Седьмой класс. Я как всегда в первом ряду. Севка тоже, его посадили на стул с самого краю из-за маленького роста. Он кажется лишним и каким-то чужим, потерянным, должно быть потому, что смотрит не прямо, как все, а куда-то немного в сторону. Приглядевшись, я снова заметила этот странный взгляд. Что такое особенное он мог увидеть на стене? Я точно помню наш прежний 26-й кабинет, в то время там преподавали английский язык, и на стенах висели карты Великобритании и фотографии Лондона, глагол to be, портреты английских писателей и поэтов. Но там, куда он уставился, всегда висело зеркало. Должно быть, почти весь наш класс в нем отражается, половина класса так уж точно. Севка смотрит в зеркало, но зачем? Себя он как раз видеть не может. Неужели он смотрит... Все это похоже на детективный сериал. Можно подумать, я разгадываю какую-то страшную

тайну.

Восьмой класс – последний перед распределением. Поэтому в то время наша новая классная, француженка, захотела сделать на память каждому целый альбом с фотографиями. В дополнение к общей на школьном крыльце с учителями нас фотографировали поодиночке, как на выпускной. Фотографии парами, по две на странице... и мы с ним рядом. Почему? Словно кто-то специально поместил наши фотографии на одну страницу! Вот теперь у меня действительно начинается паранойя, или я с ума схожу. Еще немного и головная боль мне на всю жизнь обеспечена. За что?! В чем я провинилась? Сегодня же пятница! Конец недели! Все отдыхают...

Севка никогда не смотрит прямо, взгляд вечно где-то виляет, его невозможно уловить. Какие у него глаза? Мне всегда интересно, какого цвета у человека глаза, хотя я никогда не смотрю в глаза, поэтому не запоминаю лица.

Никак не могу выбросить его из головы. Он, как навязчивая идея, как задача, которую не можешь решить, как загадка, которую не можешь разгадать. Честно говоря, все это кажется глупым, ужасно глупым и бессмысленным. Всего лишь совпадение, и не стоит забивать голову очередными бредовыми мыслями.

Последняя фотография сделана всего лишь месяц назад. Я как обычно сижу в первом ряду, только с краю, впервые в жизни. Склонила голову на бок, солнце из окна светит в ли-

цо, завитые локоны немного растрепались (не успела приче- саться), улыбаюсь почти искренне. Севка стоит не прямо за мной, а чуть с боку. Он уставился на меня со счастливейшей улыбкой на свете и так открыто, что это сразу бросается в глаза. Теперь понятно откуда взялись идиотские слухи, мол, влюблен и все такое. Ерунда! Но зачем он так смотрит на меня? Почему он вообще на меня уставился, когда должен был смотреть в объектив фотоаппарата? Можно подумать, он даже не подозревал, что нас в этот момент фотографировали.

Куда ни глянь, он везде оказывается рядом со мной. Но это еще ничего не значит! Просто совпадения, некоторые я даже могу объяснить.

Вдруг что-то выпало из альбома на пол. Маленькая квадратная открытка с золотыми узорами по краям и блестками, которые остаются на ладонях, как цветочная пыльца. На обратной стороне было старательно выведено кривыми, круглыми от усердия, буквами: *"Я тебя люблю"*. Слова будто подпрыгивали, так бывает, когда дрожит рука, и постепенно скатывались вниз.

Некоторое время я тупо тарасилась на открытку, пытаюсь понять, чье это и как здесь оказалось. Внезапно мне в голову пришла еще одна безумная мысль. Неужели опять он... Если бы только вспомнить, где я видела эту открытку раньше... Сентябрь, мой день рождения, я нашла ее в дневнике, быстро сунула в портфель, пока никто не увидел. Как она попала в альбом? И причем здесь вообще Севка? Откуда мне знать,

его это почерк или нет? Конечно, можно проверить...

Я подняла глаза, Севка спал, положив обе руки под голову и чуть улыбаясь во сне, как маленький ребенок. Сколько ему лет? Мы учимся вместе, но такое чувство, будто он заблудился в школьном коридоре и попал к нам случайно. По моему, он самый младший в классе. И стоит думать о такой малявке?! Любит, полный бред. Ну что он может понимать в этом!

Мой взгляд невольно замер на Севкином портфеле на полу возле дивана. Нужно всего лишь достать одну из его тетрадей и сверить почерк. Тогда все станет ясно. Вот теперь я точно схожу с ума.

Внезапно зазвонил телефон, так громко и пронзительно, как написали бы в бесконечно длинном романе, он словно разорвал тишину. Но было именно так. Особенно противный, чем обычно, звонок с определителем номера, резкий монотонный голос повторяет раз за разом: "Номер не определен!" Ужасно действует на нервы.

Севка вскочил так, как будто и не спал вовсе, словно его ударило током или кто-то напугал. Альбом упал на пол, фотографии разлетелись по ковру, открытка плавно опустилась к моим ногам, старательно выведенные слова отчетливо виднелись на белоснежной бумаге. Я быстро сгребла фотографии в альбом вместе с открыткой и сунула его в шкаф совсем не туда, где он всегда лежит. Потом, не глядя на Севку, кинулась к телефону в прихожую.

– Мари-и-ина! Приве-е-ет! Ты меня узнала? Это Катя!
Как дела?

Только тебя мне не хватало.

– А у нас вечеринка! Так жалко, что ты не пошла... Ну что, как вы там развлекаетесь?

– В смысле?..

– Ну, вообще... что делаете?

Она на самом деле такая тупая или притворяется?

– Угадай с трех раз, – ответила я сладеньким голоском, подражая ей, – историю делаем, что же еще!

– О да, история – это так интересно! Знаешь что? Ты наверно нашему историку нравишься! Да, Мари-и-ина, он к тебе... как это... неравнодушен! Точно!..

– И этот туда же, – пробурчала я и тут же воскликнула: – Неужели!

Когда же ты, наконец, оставишь меня в покое!

– Ты что-то хотела? Нам нужно доклад готовить...

– Ой, да я просто так позвонила, узнать, как у вас там продвигаются дела. Чем вы там занимаетесь столько времени? И вообще... А что, тебе он, правда, нравится, ну, Пряников. Ну, честно скажи!.. Да нравится же!.. У вас вообще серьезно все будет или как? Слушай, расскажешь потом, что там у вас было, ладно? Интересно так, этот Пряников, он вообще какой? Он странный ведь, правда?.. Ой, ну ладно, не буду вам мешать, развлекайтесь!.. Мари-и-ина! Что я тебе скажу!..

Я бросила трубку. Впервые в жизни я недослушала ее бол-

товню до конца. Я только сейчас заметила, что уже давно стемнело за окнами, должно быть, часов семь или восемь. И я так устала, как не уставала за всю свою жизнь. У меня будто какая-то тяжесть внутри.

Севка сидел на диване с виноватым видом.

– Я, кажется, заснул, – пробормотал он. – Сам не пойму, как так вышло...

– Подумаешь, с кем не бывает, – сказала я и тут же подумала, глупо звучит. – Ладно, забудь. Слушай, уже поздно, а мы еще ничего не сделали. Давай, быстро составим какой-нибудь план...

Я включила свет и тут же зажмурилась с непривычки. Комната сразу стала другой, будто чужой, черные окна и распахнутая дверь в темный коридор угнетали. На меня вдруг отчего-то напала жуткая нервозность. Я открыла учебник, взяла тетрадь, но это опять оказалась литература *"Любит ли Онегин Татьяну?.."*

– Ты понял что-нибудь в этой земской реформе?.. В чем там суть?..

– Это реформа местного самоуправления... – бормотал Севка.

Я вскочила, выключила верхний свет и включила настольную лампу. За окном падал снег крупными хлопьями, покрывая все вокруг белым одеялом.

– Давай, сядем за стол, – сказала я, придвигая стул для Севки. – Быстро составим план и закончим на этом, там рас-

сказывать немного. Темно уже. Тебя наверно дома ждут...

– Не-е, вряд ли, – протянул Севка неопределенно. – Вообще не знаю, может, они уехали...

Я с удивлением взглянула на него, но не стала спрашивать. Как можно не знать, уехали твои родители или нет?

– Ладно, вот смотри, разделим по абзацам... – затараторила я, перелистывая страницы у Севки под носом. – Я начну, скажу, в чем основная идея реформы, пожалуй, надо будет пояснить, что такое земства... Так, *"принцип самофинансирования..."* это ты расскажешь, отметь себе... *"Чем больше имущества, тем больше прав на гласного. Один гласный землевладелец выбирался..."* Кто такой гласный? Ничего не понимаю.

– *"Крестьяне назначали выборщиков, которые выбирали необходимое число гласных..."*

– Хорошо, про выборы тоже ты расскажешь, а я что-нибудь добавлю и подведу итог. Ну вот, план у нас есть, главное, все выучить.

Мне было плевать на доклад, на земскую реформу и вообще на историю в целом. Мне хотелось только одного, поскорее избавиться от Пряникова, чтобы он ушел, и кончился этот безумный день. Тогда все снова встанет на свои места, можно выбросить из головы дурацкие мысли, ни о чем не думать, завалиться спать. А главное, не думать больше об этом Пряникове.

Я вдруг чего-то испугалась, сама не знаю чего. Неужели

Севку? Он какой-то странный и совсем не внушает мне доверия. Кто знает, что у него на уме. О чем он думает? А еще этот телефонный звонок, Катькин мерзкий голос не выходит из головы. Терпеть не могу, когда люди говорят намеками. Я представила, как в понедельник придется рассказывать девочкам про сегодняшний вечер, меня передернуло. Не надо было говорить Крестиновой, что Севка еще здесь. Вечно я сначала говорю, а потом только думаю. Но мы ведь не в замкнутом мире живем, в конце концов. Ничего уже сделать нельзя, чтобы кто-нибудь не посмотрел на тебя косо. Ненавижу это, ненавижу людей. Ненавижу Пряникова! Пока он не влез в мою жизнь, до сегодняшнего дня все было прекрасно, тихо, спокойно, никаких проблем.

Хлопнула форточка от сквозняка. На улице разыгралась настоящая снежная буря, ветер выл, взметая мокрые хлопья, будто тысячи маленьких ураганчиков носились в воздухе. Намело сугробы, снег падал белой стеной, невозможно ничего разглядеть в двух шагах, все расплывалось, покрываясь снегом.

– Знаешь, мне кажется... – начала я поспешно. – А вдруг тебя дома все-таки ждут, волнуются. Мы уже закончили, думаю, тебе пора. Скоро мои родители придут, а мне еще прибраться надо... Я тебя, конечно, не гоню, ты не подумай...

– Да нет, я, правда, пойду. В самом деле, поздно. – Севка нашел свой учебник, запихнул его в портфель и вышел в прихожую. – Просто я заснул случайно. Надо было меня

сразу разбудить.

– Зато выспался, – заметила я, подавая ему куртку. Я хотела пошутить, но шутки не получилось. – А ты вообще далеко живешь?

– Не-е, не очень. Если идти прямо через дворы. Можно, конечно, на автобусе, но они здесь плохо ходят. Лучше пешком, даже быстрее.

Севка завязал шнурки на ботинках, застегнул курточку, надел портфель.

– Ну ладно, я пойду.

Я открыла ему дверь, он взглянул на меня, пробормотал "пока" и ушел.

Я подошла к окну в гостиной. С детства не могу избавиться от привычки смотреть людям вслед, когда они уходят.

Наш двор сверху похож на огромный квадрат. С четырех сторон он окружен длинными серыми многоэтажками. Смутные очертания соседних домов с трудом угадывались в снежном тумане, только кое-где виднелись маленькие желтые огоньки – свет в окнах. Сквозь белую завесу падающего снега я заметила крошечную одинокую фигурку. Я сразу поняла, что это Севка. Он медленно брел почему-то напрямик по сугробам мимо детской площадки.

Мне вдруг стало страшно за Севку. Он совсем один в этом снежном тумане. И ветер так жутко завывает в темноте. Может, ему некуда идти... А если с ним что-нибудь случится? Я ведь не представляю, где он живет. Кругом темные дворы,

нет ни одного фонаря, и шляются всякие наркоманы. Остановка автобуса за огромным перекрестком с трамваями. Там совершенно безумное движение, а светофоров нет.

С ним обязательно что-нибудь случится, я знаю. С такими всегда происходит что-то ужасное, потому что они странные, не такие, как все.

А я его выгнала, испугалась и выгнала. И если с ним что-то случится, я буду в этом виновата.

Я быстро натянула сапоги, схватила пальто, не осознавая почему, куда я бегу. Нажав несколько раз кнопку лифта, я кинулась вниз по лестнице. Меня трясло с ног до головы, сердце бешено стучало где-то в животе. Волосы растрепались. Я словно очутилась в центре урагана, ветер бил прямо в лицо, залепляя глаза снегом. Все белое вокруг и ничего не видно. Было страшно. Я металась, не разбирая дороги и проваливаясь в сугробы, и звала: "Сева! Сева!" Впервые в жизни я кричала на улице. Должно быть, ужасно глупо выглядело со стороны, но я совершенно не думала об этом. Казалось, меня унесло от дома далеко-далеко в снежную пустыню, но на самом деле я всего лишь очутилась на детской площадке.

И вдруг я увидела Севку. Он сидел на качелях, откинув назад голову и глядя на небо. На нем не было шапки, волосы трепал ветер, в них запутались снежинки, они падали ему прямо на лицо. Это было так странно, что я просто стояла рядом и смотрела. Он заметил меня, но ничего не сказал.

– Сева, послушай, может, тебе не стоит идти сейчас до-

мой. Такой буран, и темно уже. Ты, правда, недалеко живешь? Может, за тобой придет кто-нибудь, лучше позвони домой.

Мне казалось, он не слышит меня.

– Почему ты сидишь здесь?

– Снег идет, – произнес он, все также уставясь на небо.

– Знаю.

Я ужасно замерзла и начала сердиться. Еще бы мне не знать, что снег валит вовсю, когда кругом кроме снега уже больше ничего нет.

– Ты что, с ума сошел?

– Нет, просто это здорово смотреть на небо, когда идет снег, чтобы снежинки падали прямо в лицо.

– Ты простудишься, пойдем...

Я тихонько потянула его за руку, иначе он мог бы сидеть так вечно.

Лифт медленно поднимался. Я прислонилась к стене, глядя, как один за другим уходят вниз этажи. Севка устался на меня с сияющим видом, довольный и счастливый. Он словно в целом мире никого не видит, кроме меня.

– Ну, что? – спросила я резко.

– У тебя в волосах снежинки блестят, – он улыбнулся в ответ.

– А ты весь в снегу. Где твоя шапка?

Он пожал плечами, продолжая улыбаться. Я заметила капельки у него на щеках.

– Ты что, плачешь?

– Не-е, это снежинки растаяли.

Так странно, я вдруг вспомнила один старый фильм "Когда я стану великаном". Там в конце мальчишка ездит в лифте, вниз-вверх, а девчонка, в которую он влюблен, стоит на лестничной площадке. И они просто смотрят друг на друга. Не знаю, почему мне это вспомнилось.

Входная дверь была распахнута настежь. Я опустилась на шкафчик для обуви под вешалками и тяжело вздохнула.

– Что с тобой? – спросил Севка испуганно.

– Ничего, мне нужно минутку дух перевести.

Он включил свет. Я зажмурилась и прикрыла глаза рукой.

– Прости, – пробормотал Севка и поспешно выключил.

Потом снял куртку и осторожно повесил ее на вешалку. Мне было абсолютно все равно, что бы он ни делал, хотя я немного удивилась, когда он присел рядом со мной.

– Марина, – прошептал он через некоторое время, – с тобой, правда, все в порядке?

– Если ты хочешь знать, сошла ли я с ума, то честно скажу, пока еще нет.

В сумраке я не видела его лица, но, по-моему, он улыбнулся и вдобавок испустил легкий вздох над моим ухом.

– Я просто немного испугалась. На самом деле, я жутко перепугалась.

– Почему?

– Да сама не знаю, – я помолчала немного и спросила: –

Ты когда-нибудь видел фильм "Ледяной ветер"?

– Нет, – произнес Севка с сожалением.

– Ну, его редко показывают. Это, знаешь, такой фильм, что называется, не для всех. Интеллектуальное кино. Там, конечно, все довольно сложно, взаимоотношения между людьми... Там есть один парень, Майки, очень странный. И вот он звонит соседской девчонке Венди, приглашает ее пойти гулять, а она отказывается. Вообще-то она сначала отказалась, а потом пришла, но Майки уже ушел один. Был поздний вечер, а на улице все покрыто льдом после шторма, и провода оборвало ветром на дороге. Короче, его током ударило, насмерть. Понимаешь, большую часть фильма он бегает по пустынному обледенелому городку и, кажется, впервые в жизни он был по-настоящему счастлив. А я все думаю, если бы та девчонка пошла с ним гулять сразу, то этого бы не случилось. Хотя в фильме об этом ничего не сказано, но надеюсь, что ее всю жизнь терзали угрызения совести. Тем более эта актриса меня бесит.

Ума не приложу, зачем я все это ему рассказываю? Должно быть, он думает, что я полная идиотка, сравниваю свою жизнь с кино. Да еще к тому же помешана на интеллектуальных фильмах.

– Это я такая мокрая или ты? На меня все время что-то капает. Хотя, пожалуй, мы оба здорово промокли. Сейчас чай поставлю.

Я зажгла свет на кухне, включила чайник. Потом принесла

полотенце для Севки. На нем сухой нитки не было, как будто он только что вылез из воды. Севка скрылся в ванной на пару минут, потом появился такой всклокоченный, что мне даже смешно стало. Только сам он выглядел вполне серьезным.

Мы молча пили чай, уткнувшись в свои кружки.

– Тебе лучше позвонить домой, – сказала я, наконец, – предупредить, чтобы не волновались.

– Точно, – согласился Севка, отставив кружку в сторону.

– Телефон в прихожей на стене.

Он набрал номер и долго ждал. Я успела вымыть кружки.

– Никто не отвечает, – вздохнул Севка, положив трубку.

– Должно быть, занято. Набери еще раз.

Я ушла в гостиную в надежде услышать из прихожей долгожданный голос: "Привет, мама! Со мной все в порядке. Я у Марины, мы доклад готовим..." Но по-прежнему было тихо, даже слишком тихо. Ведь кто-то должен приехать за ним. Не оставаться же ему здесь... Мне вдруг стало жутко от этой мысли.

Севка все не появлялся, словно исчез. Я выглянула в прихожую, он сидел у телефона с трубкой и терпеливо слушал гудки, уставившись в стену.

– Никого нет дома? – тихонько спросила я, хотя идиоту понятно, что нет, и не было.

– Наверно, – произнес он как-то жалобно и положил, наконец, трубку.

– Ладно, позвонишь позже.

Он сидел на диване и молчал. Я делала вид, будто навожу порядок.

– Твои родители так поздно работают? – спросила я, чтобы как-то прервать это жуткое молчание.

– Не-е, они, в самом деле, уехали. Может, мама уехала. Отец раньше в ночную работал, но вроде бы ушел... Я не знаю...

– Ты вообще что-нибудь точно знаешь о своих родителях?

– Знаю. Они в разводе вот уже пять лет.

Такое прямое и на удивление спокойное заявление застало меня врасплох. Стало неловко за свой резкий вопрос. Так всегда бывает, когда спрашиваешь о родителях, а тебе отвечают, что они умерли. Конечно, развод это не так страшно, просто я раньше никогда не сталкивалась с ним в реальной жизни. Только в кино.

– Я между ними мотаюсь, туда-сюда... Честно говоря, даже смешно. Ключей-то у меня нет.

– Ты почему сразу не сказал? – воскликнула я.

Подумать только, выгнала человека ночью на улицу в снежную бурю, а у него и ключей-то нет!

Севка взглянул на часы.

– А ничего, что я здесь? Твои родители... они не будут против?..

Я перестала без толку слоняться по гостиной и села в кресло.

– Ладно, скажу честно. Они тоже уехали. Странное совпадение.

Севка встал с дивана и принялся внимательно разглядывать книги, я бы даже сказала, с восторженным интересом. Наша гостиная похожа на библиотеку, все так говорят, потому что одну стену почти полностью занимают полки с книгами от пола до потолка. Причем вся классика стоит на верхних полках, вечно приходится взбираться туда по шатким табуреткам, чувствуешь себя при этом не иначе как альпинистом, того и гляди, грохнешься и шею свернешь.

С некоторым удивлением я заметила, насколько осмысленным взглядом Севка изучает книги. Именно изучает. Ведь их обычно рассматривают на почтительном расстоянии не более пары секунд, как экспонаты в музее. Но Севка будто попал в книжный магазин с кредитной карточкой в кармане. Он водил носом вдоль полок с горящими глазами, то и дело, издавая радостные вопли. Пожалуй, единственный человек в этом мире, который был так же безумно счастлив при виде книг, это мой папа лет двадцать назад, когда ему удавалось чудом достать томик Бродского или Мандельштама.

Севка, ничуть не смущаясь, вытаскивал то одну книгу, то другую, и явно весьма сожалел, что не может добраться до верхних полок.

– Моя любимая книга "Над пропастью во ржи" Сэлинджера. Ты читала? Я наверно раз десять перечитал.

Конечно, я читала Сэлинджера.

– Слушай, а ты читала "Тайный дневник Адриана Моула"?

– Что? – удивилась я.

– Классная вещь, одной английской писательницы, Сью Таунсенд. Я случайно в магазине наткнулся. Супер! Хочешь, дам почитать? Умереть со смеху можно...

Смешно, никогда не встречала человека, который любит читать, который вообще что-то читает.

– А ты любишь стихи? Я люблю... У вас тут весь Серебряный век! Класс!

Он все-таки добрался до Блока.

– *"Будет день, словно миг веселья. Мы забудем все имена,* – бормотал Севка в полголоса, будто сам себе. – *Ты сама придешь в мою келью и разбудишь меня ото сна..."*

На мгновение мне показалось, что Севка сошел с ума. Он прекрасно знал стихи наизусть.

– Мне нравится Есенин, – сказала я, – и Пушкин.

– А еще Лермонтов... *"Как тяжко жизни сей оковы нам в одиночестве влачить..."*

– *"Делить веселье все готовы, никто не хочет грусть делить,"* – закончила я. – Жизнь – это пустая и глупая шутка. Правдиво сказано.

– *"Вы помните, вы все, конечно, помните, как я стоял, приблизившись к стене. Взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне. Вы говорили, нам пора расстаться..."*

Он стоял у окна вполоборота ко мне и тихо читал на-

изусть. Он знал все стихотворение от начала до конца и ни разу не сбился, хотя оно довольно длинное. И мне вдруг показалось, что это уже было когда-то раньше...

Сергей Есенин "Письмо к женщине". Я помню, он читал его в седьмом классе. Нам тогда задали выучить любое стихотворение. Наша тогдашняя литераторша чуть с ума не сошла, когда Севка начал рассказывать. Она сидела в оцепенении, как статуя, выпучив глаза, и не могла понять, откуда ему известен материал одиннадцатого класса. Должно быть, она ждала, что он вот-вот собьется и остановится. Но он рассказал все до конца. Это было... удивительно...

Я помню, Севка лучше всех в классе читал стихи, потому что для него это не просто слова, которые нужно зазубрить на оценку. Он любил стихи. Так бывает, когда в театре погаснет свет и остается только луч на сцене, а Севка стоит в этом луче совсем один, и в тишине раздается его голос.

– Я люблю смотреть, как падает снег, – сказал Севка, глядя в окно. – *"...Только белых мокрых комьев быстрый промельк маховой, только крыши, снег и кроме крыши и снега – никого..."*

Снежинки кружились в свете фонарей, как на сказочной картинке, а я подумала, что только влюбленные читают стихи без всякой причины. С чего это я взяла?.. Должно быть, слышала где-то...

– Ты же голодный, хочешь, я что-нибудь приготовлю?

Просто, когда я дома одна, то ничего не готовлю...

– Спасибо, я не хочу есть...

– Ну, я все-таки сделаю бутерброды на всякий случай. Если захочешь, поешь. Видимо тебе придется остаться здесь до завтра. Я постелю тебе на диване, – я достала белье и принялась стелить постель. – Можешь включить телевизор, только не очень громко. Где ванная, ты знаешь, туалет дальше по коридору, не перепутай с кладовкой. Если захочешь пить, на кухне в кувшине чистая вода. Бери, что хочешь, почувствуй себя как дома. А я пойду спать, ужасно устала, голова трещит...

Я сделала бутерброды, потом быстро приняла душ, почистила зубы, обычно я всегда долго торчу в ванной. Но сегодня мне хотелось поскорее лечь спать. Я незаметно выскользнула в коридор, думая, что Севка уже спит. Как вдруг он прошептал мне в спину:

– Спокойной ночи, Марина.

Я подскочила от неожиданности и обернулась. Севка как будто только и дожидался, когда я выйду из ванной, чтобы сказать мне это.

– И тебе тоже спокойной ночи, – пробормотала я немного ошарашено и юркнула в свою комнату.

Забавно, Севка единственный парень, который видел меня в халате, не считая двоюродных братьев в далеком детстве. Теперь может гордиться всю оставшуюся жизнь. Даже как-то необычно, мы привыкли видеть друг друга чаще всего

в школьной форме. В домашней обстановке человек словно меняется. Должно быть, он специально ждал, когда я выйду из ванной, чтобы посмотреть на меня в халате. По-моему, я сериалов насмотрелась... Ну и пожалуйста, пусть смотрит, сколько влезет, мне уже не привыкать, лишь бы не приста-вал. Хотя я чувствую себя, как картина в музее.

Я забралась под одеяло и долго лежала, уставясь в потолок. Сна не было ни в одном глазу. Я вообще плохо засы-паю, но сейчас мне казалось, что больше никогда не смогу спать. Ни разу не оставалась ночью один на один с парнем, пусть даже он спит в гостиной. Странное какое-то ощущение. Представляю, что будет, если об этом узнают в школе.

А вдруг он, правда, ненормальный какой-нибудь? Ну, вот что я на самом деле о нем знаю? К тому же если он действительно любит... Какая у парней любовь на уме может быть... Вот именно. Мало ли чего он от меня хочет, поспорил с кем-нибудь... Боже мой, подумать только, я боюсь! Испугалась, и кого! Какого-то Пряникова, который похож на забитого пя-тиклашку! Если я боюсь такого вот малыша, то какие тогда могут быть серьезные отношения в будущем! Может, я во-обще всех парней боюсь?.. Ужас, что еще за фрейдистские мысли опять!.. Наш школьный психолог помешана на сексе, все уши прожужжала про половые отношения и подро-бности, с ними связанные, теперь ни о чем другом думать не можешь.

Иногда я представляю себе то, чего нет на самом деле,

и воображение разыгрывается настолько, что я начинаю верить в происходящее. Даже сердце замирает от страха. Я представляю, будто кто-то идет по коридору к моей комнате, осторожно приоткрывает дверь и медленно подходит к моей кровати...

Я резко вскочила. На долю секунды мне показалось, что Севка стоит рядом. Но в комнате никого не было. Я уставилась на дверь, подавляя желание открыть ее. Нет ничего хуже бессонницы, когда бродишь по комнате без всякой цели и не можешь заставить себя лечь в постель при мысли, что нужно очень долго пытаться заснуть. Ворочаешься с боку на бок, подушка становится твердой и горячей, простыня сбивается, одеяло падает на пол. Душно и тяжесть какая-то давит, и мучает что-то...

Я сидела, закутавшись в бабушкину пушистую шаль и обхватив колени руками. За окном, медленно кружась, падали снежинки в удивительном странном свете, как в стеклянном шаре. Есть такие шары с домиком внутри, которые трясешь, и в них падает снег. В детстве я могла часами смотреть в такой шар. И когда мне бывало плохо и грустно, я мечтала, как было бы здорово попасть в этот маленький мир за стеклом. Ведь если там тоже идет снег, значит это настоящий мир.

А потом я вдруг ясно увидела Севку, как он сидит на качелях в снежном вихре, и снежинки падают ему в лицо. И тут я поняла, что меня так мучает. Любит он или нет? Правда, что говорят, или неправда, только слухи? Любит – не лю-

бит?.. Летом в деревне девчонки часто гадали на ромашках. Я гадала на всех парней, которых когда-либо знала, в том числе и на одноклассников. Интересно, гадала я когда-нибудь на Севку, и что мне выпадало? Этого я не помню. Если бы правду можно было узнавать с помощью ромашек, жизнь казалась бы куда проще.

Что такое любовь? Я не знаю. Я еще не влюблялась. Что при этом чувствуешь? Может, я могла бы угадать, на самом деле он меня любит или нет, если бы знала, каково это.

В жизни все иначе, не так, как в кино и книгах, не может быть никакой романтики и красоты, значит и любви с первого взгляда тоже. Наверно, любовь была раньше, когда-то давно, много-много лет назад, только, по-моему, она умерла или просто исчезла. Кажется, я не верю в любовь... Я привыкла видеть ее в кино, но не замечала в реальной жизни. Потому что жизнь слишком серая и скучная для любви.

Откуда во мне столько черствости? Неужели я никогда не мечтала о настоящей любви, о принце и все такое прочее? Конечно, мечтала! А кто не мечтает! А что если это и есть любовь? И Севка – тот самый принц. Может, так оно и бывает на самом деле. Мечтать, конечно, не вредно, только я о другом мечтала. Какая-то странная любовь, даже смешная.

Предположим, он влюблен в меня. Но почему именно я? У нас в классе полно девчонок гораздо красивее меня. И что он нашел во мне такого особенного? Круглой отличницей я никогда не была, списывать у меня нечего.

А вдруг это шутка! Розыгрыш! Все было спланировано заранее и специально подстроено так, чтобы Севка остался. Только кому взбредет в голову заниматься такими глупостями? Катя с Наташей? Нет, слишком тупые, ума не хватает, они всего лишь винтики в огромной машине. В таком случае тут замешаны все девчонки из класса. Значит, Севка с ними заодно, сообщник, и только притворяется наивным. Хороший актер, ничего не скажешь, вот бы не подумала. Интересно, что ему пообещали за спектакль?

Я должна узнать правду и немедленно! Пойти к нему и прямо спросить. А вдруг я ошибаюсь? Навыдумывала со страху всякой ерунды и все ему выложу. Ну, и что он тогда мне ответит? Что я полная дура, к тому же совсем чокнутая.

Как бы там ни было, нужно покончить с этим раз и навсегда. Иначе я, правда, свихнусь.

Во мне вдруг проснулась невероятная решительность. Я еще больше закуталась в шаль и выскользнула в коридор. Стояла подозрительная тишина. Можно подумать, что за чуть приоткрытой дверью гостиной никого нет. Будто Севки никогда не существовало, и все это всего лишь сон.

Я осторожно пробралась в гостиную, скорее просочилась, словно привидение, и застыла как вкопанная. Севка не спал, он и не думал спать. Лунный свет из окна падал прямо на его лицо. Он просто лежал с открытыми глазами. Заметив меня, Севка сразу сел и весь как-то напрягся, явно ожидая

чего-то серьезного.

– Я думала, ты спишь, – глупее и сказать было нельзя. Моя решительность испарилась, вся до последней капли. И я никак не могла вспомнить, зачем сюда пришла. Честно говоря, смысла в моем странном появлении посреди гостиной в весьма просторной ночной рубашке вообще не было. Но просто взять и уйти – тоже глупо.

– Бессонница замучила, – выдавила я, наконец, оправдание, все больше погружаясь в шаль, словно хотела спрятаться в ней. – А ты почему не спишь?

– Не знаю, – прошептал Севка, пожав плечами.

Наша беседа зашла в тупик, так и не успев толком начаться. Но на самом деле мне не хотелось уходить. Я изо всех сил пыталась связать все свои мысли воедино и выяснить правду, покончить с этим кошмаром раз и навсегда. При этом я даже не задумывалась, что Севка мне скажет, и что будет потом. Я вдруг ясно представила себе, как это глупо будет выглядеть, если открыто задать вопрос: "Сева, ты меня на самом деле любишь или придуриваешься?" Меня передернуло от таких мыслей.

Я не заметила, как уселась на край дивана. Севка продолжал молча таращиться на меня.

– Ничего, если я здесь немного побуду, с тобой? – спросила я.

Вместо ответа он просто кивнул. Интересно, как бы я узнала о его согласии, если бы его макушка не серебрилась

при свете луны? Я заметила, что луч медленно движется в мою сторону.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила я, поудобнее устраиваясь на своем краю дивана.

Обычно в таких случаях люди начинают скучно ныть: "А что рассказывать? Да я ничего не знаю..." Но Севка не стал ныть, он даже обрадовался, как будто всю жизнь только и ждал, когда его попросят.

– Ты когда-нибудь была в кинотеатре совсем одна? Ну, такое, конечно, редко удается. Только в будний день, когда зал огромный, можно сесть так, чтобы вокруг никого не было. И кажется, что ты один во всем кинотеатре. Это здорово... и немного жутковато. Звук вокруг тебя, и все время чудится, будто за спиной кто-то крадется или двери скрипят. От каждого шороха подпрыгиваешь в кресле на полметра... Классная вещь – кино, правда? На прошлой неделе я ходил на "Возвращение короля". И знаешь, словно в другой мир попал на целых три часа. Хотя у меня такое чувство, будто я три года в другом мире жил. Понимаешь, в мире Средиземья... А сейчас – вернулся обратно, словно проснулся после долгого сна...

Боже мой, ему тоже нравится "Властелин колец"! Удивительно, но я чувствовала нечто похожее! Не можем же мы думать одинаково. Я готова была его расцеловать, забыв вообще, кто он такой.

– Я редко в кино хожу. Даже не знаю... просто... (Просто

не с кем.) хотя на самом деле я тоже безумно люблю кино. Честно говоря, я без него жить не могу. Это как наркотик для меня. Может, я преувеличиваю... Но если за неделю ни одного хорошего фильма не посмотрю, сразу такое чувство, будто чего-то не хватает... Короче, ладно, забудь.

– А я тебя понимаю, честно...

Внезапно я словно отключилась на несколько минут. Мне никто ни разу в жизни не говорил, что понимает меня. По-моему, меня вообще никто никогда не понимал... Как ему это удастся? Кажется, я могла бы слушать его бесконечно.

– А у тебя целая фильмотека, здорово. Я имею в виду видеокассеты.

– А это... Ну да, – я с гордостью посмотрела на свою коллекцию фильмов.

– Ты видела "Легенду о пианисте"? Это фильм о музыканте, который родился на большом пароходе, он играл на рояле в оркестре и всю жизнь плавал из одного порта в другой, но так ни разу и не сошел на берег. Даже когда пароход отравили на слом, чтобы взорвать, музыкант остался на нем вместе со своей великой музыкой... Там есть такой классный эпизод, когда во время шторма пароход качает из стороны в сторону и рояль ездит по залу, а музыкант продолжает играть как ни в чем не бывало.

У меня вдруг появилось такое странное чувство какой-то легкости, я могла бы рассказать ему все-все, чего раньше никому не рассказывала.

– Знаешь, когда я была маленькой, всегда мечтала жить в старинном доме на углу улицы в просторной мансарде с большими окнами. И чтобы напротив обязательно был кинотеатр с афишами и вывеской из разноцветных фонариков. Тогда можно было бы каждый вечер ходить в кино. А еще мне всегда хотелось, выходя из кинотеатра после хорошего фильма, говорить режиссеру спасибо. Глупо, наверно...

– По-моему, здорово!.. Или попасть на последний сеанс, который начинается поздно вечером...

– ...чтобы потом возвращаться домой на машине и смотреть на ночной город, – закончила я. – Только не говори, что умеешь читать чужие мысли.

– Хорошо, не скажу, правда, я и не умею. Просто мне тоже всегда хотелось попасть на последний сеанс. Здорово делать то, чего никогда не делал. Например, ходить по крышам или летать на воздушном шаре, или на самолете. Это, то же самое, что попасть на последний сеанс. Не знаю почему, только у меня такое чувство, будто на него невозможно успеть. Как во сне, когда просыпаешься в последнюю секунду. Что бы ни происходило, рано или поздно все равно проснешься. Последний сеанс – особенный, потому что он последний, после него свет гаснет, кинотеатр закрывается и погружается в сон. Ты знаешь, что время после закрытия самое таинственное. И не только в кинотеатре, а вообще в любом месте. Если остаться после закрытия, можно увидеть такое, чего никто никогда не видел...

В любой другой день я назвала бы его сумасшедшим. Но сейчас мне так не казалось. Севка говорил то, что думал. Мне вдруг пришло в голову, ведь люди очень редко говорят искренне, почти никогда. Они все время лгут. А Севка просто высказывает свои мысли, хотя он меня совсем не знает.

Странно, но мне нравилось, как он рассказывает. Я вдруг подумала, а ведь я понимаю его, прекрасно понимаю все, что он говорит. Я жила в обществе, где так привыкли лгать, притворяться, лицемерить, выделываться перед другими и уже не видели разницы между правдой и обманом, потому им казалось странным и ненормальным, что у кого-то могут быть свои собственные искренние мысли и чувства.

Я была такой, как все, во всяком случае, старалась ничем не отличаться от других, ведь так проще жить. А Севка – нет, потому что ему это было не надо. Он никогда не хотел быть таким, как все. Он всегда оставался самим собой, поэтому его презирали. А я всю жизнь боялась стать такой, как он, странной. Боялась одиночества. Интересно, почему он не боится?

– Говорят, что вселенная не бесконечна, – произнес Севка. – А я не верю.

– Что?

– По-моему, вселенная бесконечна. Ты как думаешь?

– Не знаю, – я пожала плечами.

– Ты когда-нибудь видела падающую звезду? Я тоже не видел. Если долго смотреть на небо, может, повезет загадать

желание. Тогда оно обязательно исполнится. Я бы хотел побывать в Нью-Йорке. Или оказаться где-нибудь на краю света.

– В смысле?.. То есть, это где? – удивилась я. – Края света не существует.

– Я знаю, но иногда бывает такое чувство, будто ты на краю света. Это, конечно, полный бред, просто так на самом деле бывает.

– А я бы вернулась в прошлое, в 60-е годы, в Англию, чтобы попасть на концерт Битлз.

– Я тоже люблю Битлз! – обрадовался Севка. – У меня все их альбомы плюс еще несколько сборников. Я пластинки три года собирал.

– Не может быть! Тебе нравятся Битлз! – воскликнула я. – Невероятно! Не встречала никого, кому бы нравились Битлз! Ты не шутишь?

– Ха! Можешь меня проверить! Экзамен. История Битлз. Состав: Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ринго Стар. 1963 год: первый сингл "Love me do" – 17-е место в хит-параде. Выступление в "Палладиуме". Следующие "Please Please Me", "She Loves You" и "Я хочу держать тебя за руку" – первые места. 1964 год: Америка, шоу Эда Салливана...

– Все, хватит, остановись! Ты меня убедил.

– Любимая песня "Когда мне будет 64", – скромно добавил Севка.

Мне вдруг стало смешно до ужаса. Смех так и рвался наружу, и я просто не могла сдержаться. Не знаю, что на меня нашло. Как говорят, смешинка в рот попала, когда человек начинает хохотать без причины. Только я повалилась на диван от смеха и долго не могла успокоиться, даже слезы выступили. Севка сперва спрашивал, чего это я смеюсь, а когда я уже почти пришла в себя, он вдруг сам начал смеяться да еще так заразительно, что на меня нахлынула новая волна смеха.

В жизни столько не смеялась, к тому же просто так. Такое чувство, будто я раньше вообще никогда не смеялась. Сразу так легко и весело стало.

– Мне еще "Желтая подводная лодка" нравится, – произнес Севка серьезным голосом и громко запел.

– Хватит, я сейчас лопну! – произнесла я, давась от смеха. – Сева, перестань, пожалуйста, меня смешить, я тебя умоляю!

И он замолчал. Мы просто сидели рядом и молчали. Я не думала о том, что нужно что-то сказать. Мне вообще не хотелось ничего говорить. Люди словно боятся тишины, этих неловких пауз и заминок, когда остаются один на один и ломают голову, думая, что бы еще сказать, и тут же ляпают первую глупость, пришедшую на ум. Меня это бесит. Почему нельзя просто посидеть в тишине и немного помолчать? Ведь это так легко. Но все, кого я знаю, не умеют молчать точно так же, как не умеют слушать. Даже мои родители. Они

слова не дают вставить.

Рядом с Севкой на какое-то время я перестала сомневаться, нервничать и забивать себе голову всякими безумными мыслями. Я вдруг поняла, что Севка и есть тот самый человек, с которым можно помолчать хотя бы пару минут. Не знаю, почему это так важно для меня. И странно, но было приятно сидеть с ним рядом, и не хотелось уходить, хотя уже клонило в сон.

Вот если бы заглянуть ему в глаза. По глазам можно прочитать душу. Но в темноте я не могла его хорошо разглядеть, к тому же мне не хватало решительности выдержать его взгляд. Я могу смотреть на людей, только зная, что они меня не видят. Но мне очень хотелось узнать, какие у него глаза...

Когда я проснулась, было уже совсем светло. Часов одиннадцать. В голове ни одной мысли, так легко и хорошо, и впервые за последние годы я отлично выспалась. За окнами светило яркое солнце. По стенам прыгали солнечные зайчики. Я потянулась, села и только тут поняла, что всю ночь проспала в гостиной на диване. Рядом с Севкой.

Вот это да... Что тут еще скажешь. И вроде бы не напились. Я прекрасно помню весь вчерашний вечер, мы долго болтали... И я не заметила, как уснула. Должно быть, мы одновременно уснули. Хорошо, что у нас большой диван. Я только понять не могу, почему подушка, которую я положила для Севки, теперь лежит у меня. А Севка спит на малень-

кой диванной подушке. И большая часть одеяла валяется на полу.

По Севкиной руке медленно ползет солнечный луч. Сейчас он доберется до его лица, и Севка проснется. Я могла бы незаметно удрать в свою комнату, но вместо этого почему-то сидела и смотрела на луч. Интересно, какова будет его реакция, когда он проснется и все поймет. Если, конечно, поймет. Хотя, если вдуматься, то ничего особенного не произошло. Но это должно остаться между нами.

Луч запрыгал по лицу. Севка зажмурился покрепче, сморщил нос, вздохнул, поворочался немного, промычав что-то неопределенное, и, наконец, окончательно проснулся и сел. Он протер глаза, затем, увидев меня, улыбнулся и сказал:

– Привет.

Как все легко и просто оказывается!

Я приготовила на завтрак яичницу, заварила свежий чай и подумала, что в этой жизни еще есть смысл. Мы болтали все утро. Даже не то, чтобы болтали, скорее, просто перекидывались словами. Нам почему-то было весело, словно мы старые друзья. Я здорово проголодалась, да и Севка тоже. Он уплетал с аппетитом, только за ушами трещало.

– Слушай, мы ведь доклад-то так и не закончили, – сказала я, разливая чай.

– Какой доклад? – Севка удивленно уставился на меня.

– По истории, земская реформа! Ты что, забыл?

– А, точно! Из головы вылетело!

– Ну, ты даешь! – засмеялась я. – Вчера целый вечер сидели... Хотя, вроде бы нормально получилось, – я достала тетрадку с планом. – Только, знаешь что, давай, поделим поровну, что нужно рассказывать. Половину я, половину ты. Может, я начну, а ты закончишь? Или как ты хочешь?

– Как ты сказала.

– В таком случае наш доклад готов, – торжественно объявила я.

– Ура! – добавил Севка.

Он помог мне убрать со стола. Потом мы вместе вымыли посуду. Вернее, я мыла, а он вытирал полотенцем и убирал в шкаф. А я ужасно боялась, как бы он что-нибудь не разбил.

Я уже не знала толком, хочется мне, чтобы он ушел, или нет. Глупо, конечно, зачем ему еще оставаться. Но, тем не менее, начала я:

– Тебе дома наверно достанется.

– Да не узнает никто, – беззаботно возразил Севка, аккуратно складывая полотенце. – Ничего они не сделают, им все равно.

– Почему?

– Что почему?

– Почему твоим родителям все равно, где ты пропадаешь круглыми сутками?!

– Потому что у них своих проблем хватает.

– Значит, ты в их повседневную жизнь неходишь?

– Что?

У Севки опять появилась какая-то отстраненность во взгляде. Мы оба не понимали, о чем говорим. Я вздохнула.

– Ладно, забудь.

– Да ты не волнуйся, Марин, все нормально.

Кажется, он мне подмигнул.

Севка одевался не спеша. Я стояла рядом и держала его портфель. Я все еще не могла понять, действительно ли мне хочется, чтобы он ушел.

Шапки у него по-прежнему не было, шарфа тоже. Курточку он почему-то застегивать не стал. Мы попрощались довольно сухо. Севка вышел на лестничную площадку. Я осторожно прикрыла дверь и уставилась на нее, лихорадочно пытаюсь сообразить... В голове вертелась одна мысль, как навязчивая идея: я что-то забыла сделать, или сказать ему, или спросить...

Я резко распахнула дверь. Должно быть, прошло не больше минуты, потому что Севка все еще медленно спускался по лестнице.

– Сева, скажи мне, – я старалась говорить быстро, пока он был ко мне спиной, – это правда?..

Он обернулся и посмотрел на меня снизу вверх. В этом серьезном печальном взгляде не было ни тени усмешки или удивления. Он прекрасно знал, что я имею в виду.

Я стояла на самом краю верхней ступеньки возле перил.

Севка, ничего не говоря, поднялся вверх по лестнице и остановился передо мной совсем близко. Я могла разглядеть каждую черту его лица, и веснушки, и маленькую царапину на лбу, и даже изгиб бровей, и глаза, удивительные голубые глаза, красивые и печальные. Только я знаю, какие они.

Севка положил руку на перила рядом с моей и поднялся на последнюю ступеньку. Но прежде, чем я успела отойти, он поцеловал меня прямо в губы. Я не ожидала от него ничего подобного и замерла на месте, будто остолбенела. И почему-то не могла отвести взгляда от его глаз. Это был совсем маленький, неуклюжий и неловкий поцелуй, но все равно почти настоящий. Во всяком случае, мой первый. Да и Севкин тоже. По-моему, я не успела ничего почувствовать.

И вдруг я все поняла. Это как вспышка молнии, как шок. Он меня любит, по-настоящему. И здесь совсем не нужны слова. Значит, это правда. Он был влюблен в меня все эти годы. Что еще можно сделать, чтобы раз и навсегда осознать...

Я вздрогнула, будто очнувшись, и бросилась в прихожую. Опустилась под вешалками на шкафчик для обуви и закрыла лицо руками. Я не собиралась реветь, просто мне нужно успокоиться, прийти в себя. Мысли разбегаются, они перепутались, я не могу в них разобраться, найти хоть одну, главную, за которую можно было бы уцепиться и выбраться из этого кошмара. Ничего уже не будет, как прежде, прошлой жизни не вернуть. Она словно провалилась в бездонную про-

пасть. Внутри меня будто что-то взорвалось, сердце бешено колотилось.

Ну почему он молчал?!.. Я же не слепая, почему я раньше ничего не замечала?!..

Просто я всегда думала только о себе, как я выгляжу, что обо мне скажут. У меня не хватало времени задуматься, оглядеться по сторонам. Я была занята только собой и не видела, что творится у меня под носом. Или не хотела видеть. Разве это не жизнь вслепую?!

Если смотреть правде в глаза, у меня никогда не было настоящих друзей, мне не с кем поговорить, не с кем пойти гулять. По вечерам я сидела дома либо шаталась по школьным праздникам и пьяным вечеринкам одноклассников, заранее подготовленным и отрепетированным. Чтобы не остаться одной, не отстать от других, я ходила в кино на глупые фильмы и читала только учебники. Я никогда никого не любила, и не знаю, что значит любить.

Я пыталась быть, как все: делала то, что не хотела делать, носила одежду, которая мне не нравилась, слушала не ту музыку, ела не ту еду, общалась с людьми, которых не выносила. Может, в один прекрасный день я бы привыкла и окончательно забыла, кто я на самом деле. Я никогда не знала, чего мне действительно хочется, я ни о чем не мечтала и ни к чему не стремилась. В моей жизни все было спланировано, как в школьном расписании, а потому ничего не происходило. Я не сталкивалась с проблемами и не знала ни счастья, ни горя,

ни смеха, ни слез, не испытывала ни боли, ни удовольствия. Короче, в моей жизни не было ничего настоящего.

Все последние годы потрачены впустую. Никому не нужны мои мысли и чувства, мне не с кем поделиться впечатлениями, меня никто не понимает... кроме одного человека. Я боялась одиночества и бежала от него, не желая признаваться, что на самом деле я безумно одинока. Я жила в постоянном страхе. А рядом всегда был человек, который знал меня лучше, чем я сама. Он чувствовал то же, что и я, он понимал меня без слов, я была ему нужна. Он любил меня...

Подумать только, совсем рядом... так близко... всегда... за моей спиной... Нужно было всего лишь обернуться и протянуть руку...

Ну почему ты молчал?!.. Подошел бы и сказал всю правду мне в лицо, ведь ты мог!..

Я не думала плакать, но слезы сами текли по щекам. В памяти вдруг ясно встал один случай, когда Севка пригласил меня в кино. Это было осенью в прошлом году. Он подошел ко мне во дворе после уроков и прямо при всех девчонках предложил пойти в кино. Конечно, его слова утонули в диком хохоте. И я тоже смеялась.

Сколько таких случаев было еще, когда он подходил ко мне и просил что-нибудь, пусть даже линейку или ручку, а я всегда ему отказывала, боялась, что засмеют.

Это я отталкивала его. Я сама виновата в своем одиночестве.

Севка стоял возле распахнутой двери, прислонившись боком к косяку, и смотрел куда-то мимо меня своим отсутствующим взглядом, словно его здесь нет. Впервые этот взгляд показался мне каким-то холодным и горьким. Мне стало больно оттого, что я столько раз его обижала, а он не сделал мне ничего плохого.

– Сева, – позвала я охрипшим голосом, – прости меня.

Он будто не слышит, совсем как вчера вечером во дворе на качелях под снегом. Я по-настоящему испугалась, что он сейчас уйдет, и все кончится. Я вскочила и обняла его, почти что бросилась ему на шею. Он вздрогнул и словно ожил, но не оттолкнул меня и тоже тихонько обнял. Пушистые волосы щекотали мне щеку.

– Только не уходи, пожалуйста, не уходи, – шептала я, сквозь слезы. – Знаешь, я так устала. Устала все время быть одной, всего бояться...

– Я не уйду.

Я отпустила его и встала рядом, прислонившись к стене.

– Скажи, почему я? Ведь я же никто.

– Ты не такая, как все, – ответил Севка и улыбнулся. – Может, сходим в кино?

Когда-нибудь я смогу полюбить его, как он любит меня. Он мой единственный друг, ради которого стоит жить. И я никогда больше не отвернусь от него и не оставлю одного. Благодаря Севке я изменилась и стала собой, такой, какая я

есть на самом деле. И мне плевать, что будет дальше.

Я кивнула и тоже улыбнулась ему, чувствуя себя совершенно разбитой, но потрясающе счастливой. Самой счастливой во вселенной, которая бесконечна.

2004